

Карль Крумбахеръ.

(Некрологъ).

Карль Крумбахеръ преждевременно скончался 12 декабря 1909 г.: ему было всего 53 года (род. 23 сентября 1856 г.), и онъ не успѣлъ довести до конца весьма существенныхъ задуманныхъ имъ трудовъ. Въ исторіи науки занималъ онъ совсѣмъ особое мѣсто, которое едва ли будетъ скоро заполнено кѣмъ-нибудь другимъ. Мюнхенскій профессоръ Крумбахеръ представлялъ не только ученаго изслѣдователя и даровитаго писателя, онъ совмѣщалъ съ эрудиціей талантъ организатора, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ оказалъ византиновѣдѣнію незамѣнимыя услуги.

Еще на студенческой скамьѣ Крумбахеръ уклонился въ сторону отъ традицій нѣмецкой филологіи и вмѣсто классической греческой литературы и классическаго языка сталъ заниматься среднимъ греческимъ языкомъ, считавшимся упадочнымъ, и Византіей, носившей кличку варварской. Его первый ученый трудъ (*Lautsystem der griechischen Vulgarsprache*) былъ посвященъ народному языку, вслѣдъ затѣмъ онъ изслѣдуетъ греко-латинскіе глоссаріи псевдо-Досисея (*De codicibus quibus interpretamenta pseudodositheana nobis tradita sunt*), наполненные вульгаризмами и не имѣвшие тогда еще критическаго изданія. Права университетскаго преподавателя онъ приобрѣлъ въ 1884 г. въ Мюнхенѣ своими вкладками въ исторію греческаго языка. Здѣсь критическимъ обзоромъ того, что ранѣе дѣлалось для изслѣдованія новогреческаго языка, и разборомъ нѣкоторыхъ критическихъ явленій доказываются два положенія:

1) Совершенно должна быть отвергнута примѣнявшаяся до сихъ поръ большинствомъ изслѣдователей метода, по которой новогреческія слова и формы отторгались отъ ихъ историко-генетической зависимости и приводились въ связь непосредственно съ древнегреческими или даже прагреческими.

2) Особенно необходимо точное изученіе до сихъ поръ не признававашагося или прямо отрицавашагося развитія греческаго языка отъ самаго равняго средневѣковья до нынѣшняго дня¹⁾. Наконецъ, Крумбахеръ обратился къ церковному православному пѣснопѣнію, мало понятному протестанту, и къ Роману Сладкопѣвцу, красоту котораго онъ оцѣнилъ. Его специальныя работы въ этой области остались неоконченными, потому что онъ посвятилъ свои силы той главной цѣли, которую онъ преслѣдовалъ всю жизнь.

Крумбахеру необходимо было доказать, что надо покинуть нѣмецкій односторонній взглядъ, что византиновѣдѣніе представляетъ отдѣльную

1) П. В. Никитина некрологъ Крумбахера въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ за 1910 годъ.

научную область, вполне достойную изученія. Остается еще неизученной, говорилъ онъ, самая древняя и оригинальная часть восточно-европейскаго средневѣковья, византійскій міръ. Не пустой фантомъ, не мертвое слово, а грандіозная, тонкая, богатая событіями жизнь развертывается передъ нами въ византійскую эпоху. Филологическое, литературное и художественное, религіозное, социальное и политическое бытіе народовъ, воспринятыхъ въ обширный сосудъ, именуемый Византіей, отъ исхода древности до порога новаго времени, составляетъ область вполне пригодную для отдѣльной жизнеспособной и плодотворной дисциплины. Византиновѣдѣніе должно стать наукой, покоющейся на новомъ вполне самостоятельномъ основаніи. Византійская филологія не есть новое и не нужное развѣтвленіе, а новый организмъ, вырастающій изъ распадавшихся частицъ. Крумбахеръ особенно настаивалъ на самостоятельности этой дисциплины. Съ большимъ трудомъ, говорилъ онъ, большинство освобождается отъ глубоко вкоренившагося заблужденія, будто все византійское заслуживаетъ вниманія лишь постолько, поскольку оно объясняетъ классическую древность. Если мы, замѣчаетъ Крумбахеръ, противъ этого обычнаго взгляда особенно энергично выдвигаемъ самостоятельность византиновѣдѣнія, мы не хотимъ этимъ сказать, что всякое византійское явленіе въ области литературной или художественной, политической или церковной представляетъ нѣчто значительное; значительнымъ же мы считаемъ всякое явленіе въ этой области, какъ объектъ изслѣдованія, какъ необходимый или полезный членъ въ общей связи. Отсюда слѣдуетъ, что старый и новый взглядъ на византизмъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Такъ напр. изучая флорилегіи (собранія изреченій), классическій филологъ обращаетъ вниманіе только на свѣтскія изреченія древняго происхожденія, для византиниста же каждый флорилегій прежде всего выраженіе умственнаго теченія и вкусовъ того времени, когда онъ былъ составленъ изъ древнихъ или новыхъ источниковъ, а потому онъ совершилъ бы грубую ошибку, если бы совсѣмъ устранилъ извѣстную группу изреченій, напр., христіанскія. Евстаіей Солунскій для классическаго филолога сухой собиратель, схоластъ, сочиненія котораго представляются ему достойными вниманія только изъ за древнихъ золотыхъ зеренъ въ немъ сохранныхъ. Византинистъ видитъ въ Евстаіи выдающуюся и для оцѣнки XII вѣка типическую личность, онъ разсматриваетъ его въ тѣсной связи съ церковнымъ, социальнымъ, политическимъ и литературнымъ движеніемъ его времени, онъ изучаетъ въ лицѣ Евстаіа заслуженнаго учителя, ревностнаго хранителя и защитника древней литературы, умнаго государственнаго дѣятеля, свободомыслящаго богослова, искуснаго оратора, остроумнаго писателя. Поэтому онъ можетъ вполне искренно воспламеняться человѣкомъ, который для приверженца классической филологіи только жалкій составитель безконечныхъ никуда негодныхъ схолій. Византійскій взглядъ освѣщаетъ животворнымъ солнечнымъ лучомъ историческія лица, произ-

веденія литературы и искусства, факты политической и церковной исторіи, которые находящимся вдали представляются погруженными во мракъ.

Чтобы осуществить мысли Крумбахера, нужно было сдѣлать три вещи: показать наглядно богатство византійской литературы, соединить разбросанныя силы и породить новыя.

Крумбахеръ зналъ по себѣ, какъ трудно работать византинисту, не имѣющему въ своемъ распоряженіи самыхъ нужныхъ пособій, и приступилъ къ составленію исторіи византійской литературы. Въ предисловіи онъ даетъ общую ея характеристику и подчеркиваетъ самостоятельность византизма. Ничто, говоритъ онъ, не мѣшало такъ пониманію и правильной оцѣнкѣ византійской эпохи, какъ привычка видѣть въ ней только продолженіе классической древности. Большинству изслѣдователей Византія представлялась громадной усыпальницей эллинскихъ героевъ, достойной вниманія только потому, что въ ней сохранились остатки и сокровища давно исчезнувшаго времени. На прозаическую литературу греческаго средневѣковья смотрѣли какъ на реперторіумъ древнихъ формъ и словъ, какъ на складочное мѣсто вариантовъ, фрагментовъ, мѣологическихъ, антикварныхъ и историческихъ замѣтокъ, въ поэзіи занимались только тѣмъ, что имѣло связь съ древнегреческимъ и давало ученому желанный случай обратиться къ классическимъ источникамъ. Принципъ этотъ направлялъ изслѣдованіе на тѣ произведенія, въ которыхъ всего ярче выступали пользованіе древнимъ добромъ и зависимость отъ образцовъ, т. е. на самыя плохія издѣлія рабской подражательности. Такимъ образомъ византійскія сочиненія были признаны лишеными всякой цѣнности. Разъ навсегда поставленная отмѣтка повторялась множество разъ и никогда не пересматривалась. Никакая литературная критика не основывается на такомъ маломъ количествѣ фактическихъ и полученныхъ изъ первоисточниковъ знаній, какъ ходячія сужденія о византійскомъ писательствѣ. И все же сужденія эти большей частью суровы и не допускаютъ возраженій, потому что полузнаніе въ похвалѣ и порицаніи всегда смѣлѣе, чѣмъ добросовѣстная наука. Даже такіе ученые, какъ Бернгарди, вслѣдствіе исключительно филологическаго взгляда на византійскую литературу, въ которой видѣли только отзвуки старины, приходили къ выводамъ исторически несправедливымъ и невѣрнымъ. Кто чувствуетъ себя хорошо только на классической точкѣ зрѣнія, тотъ уже не можетъ проникнуть въ сущность византизма. *Какимъ образомъ можно отнестись справедливо къ Евстаѣю или Никитѣ Акоминату, если не имѣешь для нихъ другого масштаба кромѣ Аристарха или Фукидида? Нельзя достаточно подчеркнуть самостоятельное значеніе духовной жизни византійцевъ; на ряду съ греческой и римской литературой византійская словесность является новымъ строеніемъ, гдѣ элементы греческіе, римскіе, христіанскіе и восточные слились въ одно своеобразное цѣлое.*

Благодаря колоссальной работоспособности Крумбахера наука обо-

гатилась толстѣйшимъ томомъ, въ которомъ поражаетъ не только 1200 страницъ текста, но и полнота содержанія. Впервые появилась исторія византійской литературы, обнимающая кромѣ бывшихъ извѣстными и раньше историковъ и философовъ, географовъ, риторовъ, также и богословскія сочиненія, церковныя пѣснопѣнія и, что особенно цѣнно, словесность, написанную народнымъ языкомъ въ прозѣ и стихахъ. Нельзя не согласиться съ П. В. Никитинымъ, что Крумбахеръ справился со своей задачей самымъ блестящимъ образомъ, что едва-ли въ другой исторіи какой-нибудь литературы найдется библіографія столь полная, такъ добросовѣстно провѣренная, въ такой степени критически оцѣненная и осмысленная. И хотя самъ авторъ отзывался о своемъ трудѣ съ большой скромностью и находилъ, что онъ не написалъ истинно научной исторіи византійской литературы, что такая исторія дѣло будущаго, тѣмъ не менѣе, по словамъ знатоковъ, произведеніе Крумбахера доведено до изумительной степени совершенства, составило эпоху въ наукѣ и пробилло новые пути къ ея развитію.

Уже здѣсь сказалась организаторская способность Крумбахера, одинъ онъ не въ состояніи былъ бы дать полную картину византійской литературы и привлечь къ этому дѣлу двухъ профессоровъ. Въ полномъ блескѣ проявилъ онъ свой талантъ, когда приступилъ къ организаціи византійскаго журнала. Чтобы найти издателя для спеціальнаго журнала, который грозилъ убытками, чтобы собрать сотрудниковъ, дающихъ свои статьи почти даромъ, требуется большая энергія. Нужно редакторское искусство, чтобы поставить на ноги столь трудное дѣло, и теперь продолжателямъ Крумбахера остается только идти по проложенной имъ широкой дорогѣ. *Vizantinische Zeitschrift* стала органомъ международнымъ, отражающимъ науку всѣхъ европейскихъ странъ. Вышедшіе 18 томовъ составляютъ продолженіе Крумбахеровской исторіи византійской литературы и въ своемъ очень полномъ библіографическомъ отдѣлѣ представляютъ справочную книгу, необходимую всякому византинисту.

Такимъ путемъ Крумбахеръ мобилизовалъ армію разсѣянныхъ по всему міру византинистовъ, далъ имъ возможность сосредоточить свои силы. Наглядно показавъ значеніе византиновѣдѣнія и въ своей исторіи и въ журналѣ, онъ могъ приступить къ третьему дѣлу, къ устройству спеціальной каедрѣ. Въ 1892 г. въ Мюнхенскомъ университетѣ, благодаря стараніямъ приватъ-доцента Крумбахера и первоначально для него, была учреждена ординатура по византиновѣдѣнію. Семинарій при этой каедрѣ сталъ пополнять рѣдѣющіе ряды византинистовъ свѣжими молодыми силами.

Такіе важные результаты достигнуты были личнымъ примѣромъ и личной энергіей Крумбахера. Его агитація, его слово сыграли важную роль въ исторіи науки. Онъ былъ живымъ посредникомъ между Востокомъ и Западомъ. Путешествія по Греціи и по Россіи дали ему возможность завязать дружескія сношенія въ Аѣинахъ и въ Петер-

бургѣ, глубже изучить языки новогреческій и русскій, укрѣпить связь между византинцами разныхъ національностей. Намъ русскимъ оказалъ онъ услугу первостепенной важности. Онъ отвелъ нашей наукѣ подобающее ей мѣсто и въ исторіи византийской литературы и въ своемъ журналѣ. Въ его главномъ трудѣ имѣются ссылки на 11 нѣмецкихъ журналовъ и на 8 русскихъ, указаны и оцѣнены почти всѣ работы русскихъ ученыхъ, и особенно обстоятельно дѣлалось это въ *Vyzantinische Zeitschrift*. Послѣ этого западнымъ ученымъ нельзя уже было отговариваться незнаніемъ русскихъ сочиненій, и извѣстный французскій академикъ Шлумбергеръ въ своихъ болѣе позднихъ работахъ вынужденъ былъ обратиться къ Васильевскому и др. Въ послѣднее время научились русскому языку и пользуются русскими книгами богословы Гарнакъ, Бонвечъ, Гетцъ, историки Бери, Герландъ, Саломонъ, Ротъ, филологи Вейгандъ, Вейгъ. Этому отрадному для насъ явленію всего больше способствовалъ Крумбахеръ. Послѣдняя его популярная статья, написанная за годъ до смерти, говоритъ о культурной цѣнности славянства. Онъ доказываетъ, что современный ученый долженъ знать по крайней мѣрѣ по одному языку каждой изъ трехъ большихъ отраслей, германской, романской и славянской, распространяющихъ европейскую культуру по всему свѣту. Изъ славянскихъ нарѣчій онъ отдаетъ предпочтеніе языку тѣхъ писателей, которыхъ онъ цѣнилъ особенно высоко, Пушкина, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, и неизбежно, говоритъ Крумбахеръ, знаніе русскаго языка для всѣхъ дисциплинъ, объекты которыхъ лежатъ внутри русскаго царства или въ сферѣ его вліянія и поэтому особенно тщательно изучаются русскими учеными. Это относится ко всѣмъ отдѣламъ восточной филологіи, исторіи, географіи, этнографіи, касающимся персовъ, армянъ, грузинъ, татаръ, турокъ, монголовъ, китайцевъ. Не менѣе, чѣмъ Дальній Востокъ, и области юговосточной Европы и Малой Азіи остаются намъ недостаточно извѣстными безъ славянскихъ языковъ. Кто занимается исторіей православной церкви и ея литературой, восточнымъ каноническимъ правомъ, византийской филологіей и исторіей, тотъ на каждомъ шагу встрѣчается съ русскими изданіями, а также съ болгарскими и сербскими. Единственная славянская литература, которая заняла выдающееся мѣсто въ всемірной литературѣ, это русская. Единственный славянскій языкъ, который призванъ присоединиться къ главнѣйшимъ культурнымъ языкамъ это русскій. Русскій языкъ сдѣлается когда-нибудь міровымъ языкомъ

Если бы нашъ незабвенный учитель В. Г. Васильевскій довелъ до нашихъ дней свое обзорнѣе трудовъ по византийской исторіи, онъ началъ бы съ Крумбахера отдѣльную главу и, можетъ быть, назвалъ бы его Дюканжемъ XIX-го вѣка. Начитанный въ литературѣ не меньше знаменитаго француза, не менѣе его работоспособный, онъ не ограничивался кабинетнымъ трудомъ и не только сочиненіями, но и живою рѣчью способствовалъ развитію византиновѣдѣнія на столько, на сколько это мо-

жетъ сдѣлать одинъ человекъ. Для насъ русскихъ кончина Карла Крумбахера особенно чувствительна. На всегда останется его исторія византійской литературы, не погибнетъ, будемъ надѣяться, основанный имъ журналъ, но едва-ли скоро появится на нѣмецкой кафедрѣ профессоръ, который такъ хорошо понималъ бы Россію, такъ энергично призывалъ бы къ изученію русскаго языка; скажемъ же ему по русскому обычаю съ сердечнымъ сокращеніемъ: вѣчная память.

II. Безобразовъ.

† Е. К. Рѣдинъ.

27 апрѣля 1908 г. въ г. Харьковѣ скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни профессоръ тамошняго университета по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ Е. К. Рѣдинъ. Покойный ученый происходилъ изъ крестьянъ Курской губерніи. Лишившись отца уже въ самый годъ своего рожденія (1863 г.), Рѣдинъ остался на попеченіи матери, которая не жалѣла средствъ на его образованіе. Среднюю школу Е. К. прошелъ въ Тифлисѣ, во 2-й гимназіи. По окончаніи ея (1884 г.), онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго Университета, гдѣ особенно увлекался лекціями Н. П. Кондакова и А. И. Кирпичникова. Въ частности первый ученый оказалъ на Рѣдина такое вліяніе, что уже съ перваго года университетской жизни онъ почти всецѣло посвятилъ себя изученію исторіи искусствъ и остался вѣренъ ей до послѣдняго дыханія. Первымъ печатнымъ плодомъ его занятій въ этой области была студенческая медальная работа «Кіево-Софійскій соборъ, изслѣдованіе ея мозаичной и фресковой живописи» (1888 г.). По окончаніи университета, Е. К. Рѣдинъ былъ оставленъ при немъ для приготовленія къ профессорскому званію. Блестяще выдержавъ магистерскіе экзамены въ 1891 г., Рѣдинъ былъ командированъ затѣмъ на два года за границу, гдѣ изучалъ памятники искусства со всей страстностью своей натуры; для этой цѣли имъ были разсмотрѣны бібліотеки и музеи Рима, Парижа, Вѣны, Мюнхена, Лондона и Берлина.

Въ 1893 г. Рѣдинъ былъ приглашенъ прив.-доцентомъ въ Императорскій Харьковскій Университетъ для чтенія лекцій по исторіи искусствъ. Черезъ три года онъ уже выпускаетъ капитальное изслѣдованіе «Мозаика равеннскихъ церквей», давшее ему магистерскую степень. Здѣсь Рѣдинъ съ огромной эрудиціей и необыкновенной точностью метода неопровержимо доказалъ византійское происхожденіе равеннскихъ мозаикъ, что признала и германская наука въ лицѣ ея корифея Добберта. Послѣдній въ особенную заслугу Рѣдина ставитъ «тщательное сравнительное изученіе равеннскихъ мозаикъ съ другими художественными произведеніями бесспорнаго византійскаго происхожденія и установленіе